

Октябрьские события 1905 г. во Владивостоке в освещении местной прессы

Вадим Львович Агапов,

кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики и издательского бизнеса, докторант кафедры отечественной истории и архивоведения, Школа гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток.
E-mail: agarov_vl@mail.ru

Дмитрий Александрович Бутырин,

кандидат культурологии, доцент кафедры журналистики и издательского бизнеса, Школа гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток.
E-mail: www1979@mail.ru

Осенью 1905 г. во Владивостоке сложилась напряжённая ситуация. Из-за поражения в Русско-японской войне и начала революции в России моральное состояние гарнизона крепости ухудшилось. Солдаты жаловались на невыплату денег за участие в строительстве укреплений, ветхое обмундирование, некачественное питание. Среди них было много запасных, которые требовали скорейшего увольнения в отставку. Офицерский состав не владел положением и не мог урегулировать ситуацию. 30—31 октября в городе произошёл бунт, приведший к многочисленным погромам, поджогам и актам насилия по отношению к гражданскому населению.

Цель статьи — проанализировать особенности освещения этих событий во владивостокской прессе того времени. Сведения о правовом положении газет и их отношениях с администрацией даются по документам Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Основными источниками послужили подборки «Дальнего Востока» (из собрания Приморского музея им. В.К. Арсеньева) и «Владивостока» (из собрания Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, Государственного архива Приморского края и Общества изучения Амурского края).

Газеты не выходили несколько дней, пока продолжались беспорядки, но позднее, в ноябре—декабре 1905 г., в прессе стали активно обсуждаться причины, ход и последствия произошедшего. На страницах «Дальнего Востока» публиковалось много свидетельств очевидцев, одиночных и коллективных писем солдат с изложением жалоб и требований. «Владивосток» и «Владивостокский листок» провели настоящее расследование, во многом

повлиявшее на Представление прокурора Владивостокского окружного суда о причинах и ходе восстания во Владивостоке 30—31 октября.

В итоге именно с освещения октябрьских событий началась поляризация периодических изданий Владивостока по политической направленности, в полной мере проявившаяся на втором этапе революции, во время восстания в январе 1906 г.

Ключевые слова: революция 1905—1907 гг., Манифест 17 октября, Владивосток, восстание 30—31 октября 1905 г., периодическая печать, газеты, «Дальний Восток», «Владивосток», «Владивостокский листок», В.А. Панов, Н.В. Ремезов, Л.П. Подпах.

October events of 1905 in local press in Vladivostok.

Vadim Agapov, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia,
E-mail: agapov_vl@mail.ru.

Dmitry Butyrin, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia,
E-mail: www1979@mail.ru.

In autumn 1905, a strained situation emerged in Vladivostok. Under the influence of the defeat in the Russo-Japanese War and the beginning of the revolution in Russia the garrison morale aggravated. The soldiers complained about non-payment of money for construction of fortifications, shabby uniform, poor food. Officer personnel weren't on top of issues and didn't settle the situation. On October 30—31, there was a riot in the city which led to numerous massacres, arsons, and acts of violence against civilian population.

The article aims to analyse the peculiarities of coverage of these events in Vladivostok press of that time. The information about legal position of the press and its relations with the administration is presented in the article according to the documents of the Russian State Historical Archive of the Far East. The principal sources of information are selections of newspapers "Dal'niy Vostok" (from the collection of Arseniev State Museum of Primorsky Region) and "Vladivostok" (from the collection of the Russian State Historical Archive of the Far East, The State Archive of Primorsky Territory, and The Amur Region Research Society).

The newspapers didn't come out for several days until disorders continued, but later on, in November-December 1905, they presented many discussions about the reasons, process and consequences of what had happened. In the columns of "Dal'niy Vostok" many eyewitness accounts, individual and collective letters from the soldiers with their complaints and demands were published. "Vladivostok" and "Vladivostokskiy listok" conducted their own investigation which influenced the representation by the procurator of Vladivostok district court about the reasons and the process of the uprising in Vladivostok on October 30—31.

As a result, the polarization of Vladivostok periodicals according to their political line started with the coverage of October events; it was manifested to the full extent in the second stage of the revolution during the uprising in January 1906.

Keywords: Revolution of 1905—1907, Manifesto of 17 October, Vladivostok, uprising of October 30—31, 1905, periodicals, newspapers, "Dal'niy Vostok", "Vladivostok", "Vladivostokskiy listok", V.A. Panov, N.V. Remezov, L.P. Podpakh.

Осенью 1905 г. российская пресса оказалась в новой исторической ситуации. Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», подписанный императором Николаем II 17 (30) октября 1905 г. под влиянием уже начавшихся в стране революционных выступлений, даровал населению «незыблемые свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний, союзов». Для печати это означало прежде всего отмену цензуры: всех циркуляров, изданных на основе 140-й статьи устава и воспрещавших обсуждение в прессе того или иного вопроса. Цензурному ведомству рекомендовалось принять в основу деятельности «уголовное законодательство, предусматривающее целый ряд преступлений, которые могут быть совершены посредством печати» [РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1. Л. 2].

Такое решение не удовлетворило журналистов. 19 октября в Санкт-Петербурге Собрание представителей печати и книгоиздательств решило выпускать газеты и журналы без цензуры и помогать друг другу в борьбе за свободу слова. Совет рабочих депутатов со страниц «Известий» заявил: могут выходить только те газеты, редакторы которых игнорируют цензурный комитет. В результате с 19 октября (1 ноября) по 24 ноября (7 декабря) 1905 г., когда появились новые «Временные правила о периодических изданиях», в российской печати господствовала бесцензурность, названная явочным периодом свободы [14, с. 189].

Этот период имел место и в истории дальневосточной, в частности владивостокской, прессы. Он совпал с началом революционных событий на Дальнем Востоке. Центральным из них является бунт в войсках гарнизона Владивостокской крепости 30—31 октября 1905 г.

Цель статьи — проанализировать особенности освещения октябрьских событий 1905 г. во Владивостоке в местной прессе того времени. Задачи: показать положение в городе и правовой статус печати в начале революции, дать характеристику газет «Владивосток», «Дальний Восток» и «Владивостокский листок», изучить их публикации ноября—декабря 1905 г., в которых есть самые первые описания и попытки анализа причин и возможных последствий произошедшего.

Сведения о правовом положении прессы и её отношениях с краевой администрацией даны по материалам фондов владивостокского инспектора по делам печати Дюфура и канцелярии Приамурского генерал-губернатора Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Основными же источниками послужили подборки газет «Дальний Восток» (из собрания Приморского музея им. В.К. Арсеньева) и «Владивосток» (из собрания Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, Государственного архива Приморского края и Общества изучения Амурского края).

Во Владивостоке о Манифесте узнали 21 октября (3 ноября), когда он был напечатан в местных газетах и таким образом распространён среди публики. В этот день постановлением Приамурского генерал-губернатора за «вредное направление, выразившееся в статье под заглавием

„Владивосток в осаде, гимназическая одиссея“, помещённой в номерах 221, 222, 223, 224 и 225 за октябрь текущего года», было прекращено издание во Владивостоке газеты «Дальний Восток» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 251. Л. 116]. Но её фактический редактор и владелец В.А. Панов игнорировал Постановление и с 23 октября (5 ноября) продолжил выпуск уже без грифа «дозволено цензурой» [РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1892 год. Д. 18. Л. 83].

Освободившаяся от цензуры пресса была брошена в пучину разгоравшейся в стране революции. По окончании Русско-японской войны в Приморской области и особенно во Владивостоке скопились значительные войсковые части и остатки флота. Численность гарнизона Владивостокской крепости составляла около 60 тыс. чел., из них около половины нижних чинов армии и флота и значительное количество офицеров являлись призванными на службу из запаса. По мнению коменданта крепости генерал-лейтенанта Г.Н. Казбека, в гарнизоне был «более чем неудовлетворительный состав офицеров и военных чиновников», почти всех из них ранее увольняли в запас за пьянство и другие пороки. Состав отдельных частей гарнизона собирали наскоро [6, с. 83]. Положение солдат и матросов в этот период характеризовалось как крайне тяжёлое: жалование являлось мизерным, а продовольственное обеспечение — недостаточным [18, с. 378]. Настроение войск падало под влиянием неудач в войне (23 августа 1905 г. подписан невыгодный для России Портсмутский мир) и известий о революционных событиях внутри страны.

Солдаты и матросы волновались и требовали скорейшего увольнения и возвращения домой. Их недовольство вызывали задержка с отправкой на родину, плохое питание и снаряжение. Солдаты постоянно митинговали, причём принимавшиеся на митингах постановления: «Объявить военному начальству порицание, что оно не пускает домой запасных, плохо кормит и одевает солдат, не заботясь о них», — печатались на другой день в газетах и раздавались всем нижним чинам. По словам генерал-майора Рутковского, «митинги при помощи владивостокских и никольских газет сделались правителями городов и заправляли всей и благонадёжной массой, причём авторитет начальников сведён к нулю». Рутковский предлагал принять срочные меры: прекратить митинги и подвергнуть военной цензуре, а в случае необходимости, и закрыть газеты [6, с. 76]. Но до начала беспорядков в октябре 1905 г. этого не сделали.

Периодическая печать, как источник наиболее оперативный, находится ближе всего к историческим событиям своего времени.

В октябре 1905 г. во Владивостоке выходило 3 газеты: еженедельная «Владивосток» (1883—1906 гг.) и ежедневные «Дальний Восток» (1892—1917 гг.) и «Владивостокский листок» (1905—1906 гг.).

Общественно-литературная и политическая газета «Владивосток» — старейшая в городе, с лета 1905 г. выходила 1—3 раза в неделю. Редактор-издатель (с 1892 г.) — Николай Владимирович Ремезов (1855—1914), бывший уфимский землемер и регистратор канцелярии начальника работ по постройке Уссурийской железной дороги, талантливый журналист

и публицист [2; 33; 34]. Типография и редакция «Владивостока» располагались в Экипажной слободе, в собственном доме Ремезова, на углу Славянской и Маньчжурской (совр. Махалина, 16).

Ежедневная газета, посвящённая интересам Приамурского края, «Дальний Восток» — основной конкурент «Владивостока». Основана штабс-капитаном корпуса флотских штурманов Виктором Ананьевичем Пановым (1854—1922). Он был владельцем, хотя официально редактором-издателем в 1901—1906 гг. числилась супруга Панова — Евгения Алексеевна. Типография, оснащённая современным немецким оборудованием, располагалась в доме, построенном Пановым в 1897 г., на улице Прудовой (Петра Великого) [33, с. 123—133].

Ежедневная общественно-политическая и литературная газета «Владивостокский листок» являлась непосредственным продолжением выходившего с 1903 г. «Владивостокского листка объявлений» и считалась в городе прогрессивной. Редактор-издатель — Леон Павлович Подпах, купец, владелец типографии, суб-агент С.-Петербургского общества страхований, попечитель Владивостокской Покровской церковно-приходской школы.

Из анализа содержания газет не видно, чтобы кто-нибудь из журналистов смог предвидеть события, готовые разразиться со дня на день. Как известно, 30—31 октября (12—13 ноября) 1905 г. во Владивостоке произошёл военный бунт. Были разграблены магазины, повсюду слышались выстрелы, вспыхивали пожары, офицеры спасались бегством от своих же солдат [38]. Эти события неоднократно описывались в литературе [1; 8; 9; 15 и др.]. Сосредоточимся на положении прессы, тематике публикаций.

К вечеру 31 октября весь город оказался во власти пьяной разъярённой толпы. С 31 октября по 4 ноября газеты не выходили, типографии не работали. № 234 «Дальнего Востока» был напечатан 30 октября, а № 235 — 5 ноября, набирая первую полосу этого номера, работники типографии забыли сменить месяц, так что получилось «5 октября».

Военный врач М.А. Кудржинский, старший ординатор 1-го Крепостного госпиталя во Владивостоке, член владивостокского Общества народных чтений, вспоминал, что 1 (14) ноября на совещании у коменданта крепости с участием представителей местной интеллигенции было решено напечатать воззвание к солдатам. В воззвании, написанном Кудржинским и Зверевым, председателем Общества народных чтений, требовалось, чтобы «граждане» (солдаты и матросы прямо не упоминались) прекратили погромы и насилие над жителями города.

Кудржинский, так вспоминал о событиях: чтобы напечатать листовку, «побежал в типографию „Владивост. листка“, quasi прогрессивного органа. Редакция и типография забаррикадированы. Звонюсь к редактору: „Нет дома“... Из соседних квартир повыскакивали какие-то заспанные попы и другие лохматые люди, объяснившие мне, что „передовой“ г. Подпах, к гражданскому мужеству которого я так убедительно взывал, — в настоящую минуту, вероятно, мирно похрапывает на одном из пароходов,

стоящих посреди рейда, куда он сбежал ещё вчера при первых признаках тревоги». Печатать воззвание пришлось в типографии черносотенной газеты В.А. Панова «Дальний Восток» [19, с. 63—64].

Номер «Дальнего Востока» от 5 (18) ноября 1905 г. открывался приказом по Владивостокской крепости № 764 от 3 ноября «Увольнение запасных», которым командование хотело успокоить солдат. Следом был помещён приказ № 758 от 1 (14) ноября, рекомендовавший жителям «после заката солнца по возможности оставаться в своих домах и позже 10-ти часов вечера на улицы не выходить» [31].

В № 237 «Дальнего Востока» от 8 (21) ноября напечатан приказ по Владивостокской крепости № 774 от 6 (19) ноября. В нём приводился текст приказа главнокомандующего генерал-адъютанта Линевича от 5 (18) ноября за № 2433 о беспорядках во Владивостоке, начавшихся 30 октября на базаре, где толпа завязала драку с китайцами. Отмечалось, что в произошедших событиях, забыв о долге и присяге, приняли участие «многие матросы и запасные нижние чины» [32].

По циркулировавшим в городе слухам, жертвами погромов стали 700 человек. В опровержение газета опубликовала официальную цифру: «182 убитых и раненых» с 30 октября по 1 ноября. При этом в войсках охраны (верных правительству) убиты 1 офицер и 13 нижних чинов, ранено 6 и 13; в мятежной толпе убито 2 солдата, 13 матросов, 6 штатских, 3 инородца, ранено соответственно 32, 50, 22, 12. По словам хроникёра, цифры эти, конечно, далеко не полные. «Тем не менее, — заключал автор заметки, — действительная цифра пострадавших во время беспорядков, несомненно, очень далека от передаваемой из уст в уста молвой» [36].

В ноябре на страницах «Дальнего Востока» печаталось большое число свидетельств очевидцев. 13 (26) ноября в № 242 человек, подписавшийся «Свидетель погрома», рассказал, что в погромах участвовали не матросы и хулиганы, как утверждают официальные источники, а солдаты, в том числе патрульные [8].

Эта публикация положила начало целой дискуссии. Так, 17 (30) ноября в «Дальнем Востоке» под псевдонимом «Ното» появился подробный рассказ «непосредственного свидетеля», озаглавленный «К событиям 30 октября». Автор вспоминал, как «в 5 ч. пополудни один матрос из-за забора областного правления бросает камнем через улицу в направлении магазина Эльвангера». Дурной пример оказывается заразительным: «Мастеровой навеселе поднимает камень и швыряет его по направлению окон „Северного ресторана“... Проходящие и стоящие только сторонятся и — ни звука... Ещё несколько человек, увлечённые примером, начинают швырять камни... Наконец, один из камней достигает цели...». Пассивное поведение обывателей и бездействие военных властей спровоцировали волну неконтролируемой агрессии. «Свидетель погрома» красочно описывал, как «со стороны Алеутской приближалась толпа, разграбившая „Одессу“ и прибавившая там винных паров. Толпа небольшая, человек в 30, и не сплочённая... Страсти громил разыгрались всюю... Треск

разбиваемых стёкол раздавался безостановочно...». Вслед за первыми пьяными погромами «начинается второй акт, акт грабежа» [39].

Более подробное описание происходивших в городе грабежей содержится в статье Ильинского «К „Владивостокским дням“» из № 248 «Дальнего Востока» от 23 ноября (6 декабря). Это был ответ на письмо «Свидетеля погрома» из № 242. Автор соглашался с тем, что город грабили солдаты, а патрульные уже отбирали у них награбленное: солдаты громили магазины и выносили добро, «причём товары складывались на землю, а патрульные всё это разбирали и нагружали на себя... Патрульные около Миссионерской улицы (совр. Лазо — Прим. В.Л. и Д.А.) останавливали всех нагруженных награбленным и бывших в „вольных“ одеждах и отнимали у них с ругательствами добычу, брали её себе... Не только мирные обыватели города, но и железнодорожная станция со всем персоналом была совершенно беззащитна и находилась во власти пьяных вооружённых солдат, предававшихся грабежу и насилию...» [17].

Другой очевидец в письме в редакцию, напечатанном анонимно «Дальним Востоком» 3 (16) декабря, восклицал: «Люди, под видом отстаивания своей свободы и прав, вооружённые, напали на беззащитный город, предали его разграблению и подожгли его...» [22].

В русле этих мнений находились и газетные объявления. 23 ноября (6 декабря) в «Дальнем Востоке» помещено следующее: «Владивостокским крепостным гарнизоном 30 октября с.г. РАЗГРАБЛЕНЫ по Алеутской ул., в д. Пьянкова, фабрика сухих гальв. элементов, электро-механическая и часовая мастерская и магазин инженер-механика Э.Б. Звиргзде...». Далее шёл длинный список похищенных вещей [9]. В следующем номере, от 24 ноября (7 декабря), автор вынужден был оправдываться: «г. Редактор! В моём объявлении в № 248 „Дальнего Востока“ о произведённом в моём магазине разграблении мною, без желания кого-либо оскорбить, употреблено было неправильное выражение, что 30 октября „Владивостокским крепостным гарнизоном разграблены“ и т.д. Конечно, грабёж производился не „гарнизоном“, а лишь буйствовавшей толпой пьяных солдат. Извиняясь за неудачное, опрометчивое выражение, прошу не отказать огласить моё настоящее письмо. Э. Звиргзде» [10].

Кроме интеллигенции и предпринимателей, на страницах газеты высказывались и представители армии, как офицеры, так и солдаты. В частности, редакция «Дальнего Востока» получала массу жалоб от запасных нижних чинов на то, что их «без нужды» держат в войсках, и публиковала некоторые из таких писем. 16 (29) ноября солдат, подписавшийся «Артурец», рассказал, как его во Владивостоке не пустили в церковь. «Русский солдат привык к тому, что вход везде и повсюду ему воспрещён, везде увидит подпись, гласящую: „Собакам и нижним чинам вход воспрещён“. Висят они и у городских садов, и у скверов, и в других местах, где мог бы отдохнуть он от своей тяжёлой жизни. Всему он покорялся и всё исполнял, и единственным ему местом был храм Божий... Но и сюда, оказывается, при случае ему вход воспрещён» [21].

В декабре в «Дальнем Востоке» часто печатались коллективные письма нижних чинов, выражающие их отношение к политическим вопросам. В № 264 газеты от 13 декабря опубликовано послание минёров, отказывающихся поддерживать политические требования и участвовать в обсуждении вопросов «государственной важности». На это письмо, подписанное 75 нижними чинами 1-й Владивостокской крепостной минной роты [23], последовало много ответов. Так в послании, напечатанном в № 267 от 16 декабря, нижние чины музыкантской команды 1-го Уссурийского железнодорожного батальона, выражая солидарность, заявляли: у минёров «созрела здравая мысль, основанная исключительно на желании спокойствия и процветания дорогого нам отечества!». Письмо подписало 39 чел. [24] А в № 272 от 22 декабря те же авторы утверждали: их ввело в заблуждение письмо, «которое было написано минёрами в газете № 264 „Дальний Восток“, в котором они так ложно обвиняли собрания Владивостокского гарнизона». «Теперь вся ложь этого письма, — говорилось в послании, — нам известна, а поэтому берём свои слова обратно и присоединяемся к той партии товарищей нижних чинов, которой мы придерживались до нашего письма в редакцию „Дальнего Востока“, помещённого в № 267, и которая рассуждает более благоразумно, чем эта смутная кучка минёров» [25]. Приведённые примеры обнаруживают незрелость мировоззрения солдат (в большинстве — вчерашних крестьян), способных сегодня выразить одно мнение по политическим вопросам, а завтра — противоположное.

Масса приходивших в редакцию газеты писем ставила журналистов в сложное положение. В статье «„Свобода“ и армия» В. Акатов рассуждал: «Со свободой печати в редакции посыпались „письма“; редактора не видать из-за этих гор бумаги. Вот „письмецо“, подписано „полковник такой-то“, написано каракулями, безграмотно, грубо... Печатать или нет? Вот обвинения за подписью артиллерист, стрелок, матрос... Верные или нет? Хорошо быть судьёй, когда сам всё знаешь, но ведь всего знать нельзя. А если „полковник такой-то“ не полковник, а босяк, если артиллерист или стрелок по незнанию или из личных счётов наклеветали; кого привлечь к ответственности? Выходит, отдувайся редактор сам, а „писатели“-то кукиш из кармана показали?» [3].

О событиях, происходивших в стране, владивостокским газетам писать было трудно. 16 (29) ноября городская почтово-телеграфная контора объявила забастовку, примкнув к решению российского союза почтово-телеграфных работников [37]. Эта забастовка лишила местные власти указаний свыше, а Владивосток остался без оперативных новостей [6, с. 83]. Несколько недель газеты, как в XVIII в., питались информацией, приходившей с месячным опозданием. 24 ноября «Дальний Восток» сообщал о еврейском погроме в Ростове-на-Дону 18 (31) октября [26]. В № 253 от 29 ноября октябрьским событиям была посвящена подборка, иронически названная редактором «Дни освобождения в России»: «В Херсоне 17 октября в городском собрании состоялся народный митинг, привлёкший около трёх тысяч

человек. 18 октября прекращены занятия во всех учебных заведениях, в губернской и городской управах, в частных банках. Часть магазинов закрыта. На улицах происходят избиения хулиганами. Слышны выстрелы. Есть убитые и раненые. В Костроме чёрная сотня беспощадно избивает интеллигенцию и учащуюся молодёжь. Есть убитые, масса раненых. В Пскове 18 октября вечером чёрная сотня вновь избивала интеллигенцию. Много раненых. На другой день состоялся молебен с чтением манифеста...» [11].

Наиболее активная полемика о причинах и последствиях революции разгорелась между газетами «Дальний Восток» и «Владивосток». Начал её редактор «черносотенного» «Дальнего Востока» В.А. Панов. В № 239 от 10 (23) ноября он опубликовал статью «О свободе народной», в которой писал, что «свобода не есть буйство, дебош или своеволие. Как бы широко ни стояла эта свобода, нигде она не существует и немыслима *без управляющей власти*», а «святые идеалы истинного гражданства» основаны на «твёрдом сознании неприкосновенности собственной личности и искреннем уважении к общему такому же праву» [20]. В другой передовой статье говорилось: народу дана конституция, и потому массам пора бы прекратить бунтовать. «Нет смысла желать революции в России против конституционного образа правления. А, стало быть, действительно необходимо прекращение всяких насилий, которые могли бы быть только на руку реакции. Необходимо также и немедленное прекращение политической забастовки...». Далее шёл призыв: «Приступим все вместе... к мирному устройению свободного отныне, демократически-конституционного русского государства!» [28].

Итог подводила статья Поляновского «Нужна ли революция после 17 октября 1905 года», опубликованная 17 (30) декабря. Автор предлагал поступить так, как должно верноподданным: прекратить дебош и обратиться к самому царю, чтобы попросить у него сделать выборы всеобщими, прямыми, равными и тайными: «Русский народ до сей поры чтит своего царя и потому ко всему, что возвещается от Его имени, относится с глубоким вниманием и уважением... Зачем же разрушать эту веру и не лучше ли воспользоваться ею?» [27].

Совсем другой позиции придерживались «Владивосток» и «Владивостокский листок». Они провели настоящее расследование причин событий 30—31 октября, давшее материал для многих публикаций, особенно в декабре 1905 г.

В №№ 247, 250, 253 и 258 «Владивостокского листка» в статье «Ужасные дни Владивостока» была изложена картина произошедшего в городе военного бунта: «Административная и военная власти во Владивостоке не только оказались бессильными в подавлении беспорядков, но и не приняли никаких существенных мер к предупреждению и пресечению их» [6, с. 83].

В № 71 газеты «Владивосток» вышла статья «Голые цифры и чистая правда», подписанная псевдонимом «Единицын». В ней генерал Лашкевич и полковник В.В. Май-Маевский обвинялись в невыплате солдатам

денег [12]. Статья вызвала гневный отклик со стороны коменданта Владивостокской крепости: за распространение «заведомо неверных... фактов редактор газеты будет привлечён к ответственности» [29]. В другом приказе генерал-майор Казбек назвал публикацию «Владивостока» клеветой на «двух вполне заслуженных и почтенных старших офицеров» [30]. Полковник Май-Маевский потребовал третейского суда. Редактор Ремезов вызов принял [35].

В № 73 «Владивостока» от 11 (24) декабря вышла передовая статья без названия. «30 октября, — писал автор, — разразился бунт, результаты которого — около 300 сожжённых домов, масса убитых и раненых, изнасилованные, обездоленные и нищие. Миллионные потери, масса горя... Была комиссия, но она, как гоголевская мышь, „пришла, понюхала и ушла“, даже не сказала обездоленным, потрясённым горем жителям полусожжённого города, что она разнюхала. А она должна бы была разнюхать не мало. И приходится теперь, хотя отчасти, самим жителям разнюхивать и соображать, откуда пошёл владивостокский разгром.

Начнём. Нигде не упоминалось об одной из причин погрома; выставлялось только неувольнение запасных и толкование манифеста. Но упущена ещё одна причина, и, по нашему скромному разумению, самая главная — это неудовлетворение нижних чинов заработными деньгами. Почему упущена эта причина — нам не известно, хотя, с другой стороны, она была известна почти всем, а власть предрешающим — даже за много дней до бунта...» [5].

В статье приводились выдержки из Приказа по войскам Приамурского военного округа от 15 апреля (15 октября — в тексте явная опечатка — Прим. В.Л. и Д.А.) 1905 г. за № 380, в котором командующий округом говорил о назначении нижним чинам по 75 коп. в день за «исполнение экстренных работ [строительство укреплений], кои по закону и по особым сметам должны производиться наёмным трудом и оплачиваться особыми отпусками денег от казны». Приказы по Владивостокской крепости рекомендовали разделять деньги «равномерно между частями гарнизона и обращать их на улучшение быта нижних чинов». Между тем каждый нижний чин получил 5 руб. 80 коп. за 150 дней работы, т.е. чуть больше 3,5 коп. в сутки вместо положенных 75 коп. [5]

В том же № 73 опубликована статья доктора П.Г. Мацокина, являющаяся ответом на письмо Май-Маевского с требованием третейского суда. «Местная бюрократия, — рассуждал Мацокин, — вообще не желает даже видеть прочнейшей связи между тем, что назрело и творится в России, и тем, что свершилось 30 и 31 октября здесь. Ей совершенно невдомёк тот факт, что Россия терпит колоссальный экономический крах, подготовленный, с одной стороны, бюрократическим безотчётным режимом, с другой, бесславной войной, что Владивосток не может не участвовать в этом историческом крахе всего государства, с одной стороны, наш приморский порт, с другой, даже и как военный лагерь, где собрано до 70 000 *нижних чинов, дома и семьи которых остались в России*

и погружены в тяжёлую экономическую нужду (здесь и далее в газетной публикации курсив принадлежит П.Г. Мацокину — Прим. В.Л. и Д.А.). И если бы сознание этой нужды чинов гарнизона хоть немного превалировало над обычной нашей беспечностью... то всех поразил бы факт, что, несмотря на приказ г. командующего округом от 15 апреля с.г. за № 380, нижние чины со дня приказа и по 30 октября получили за свои работы в среднем *каждый всего 2 руб. 50 коп...* Неужели же вас не поразили эти цифры низведения чьего бы то ни было труда за 6,5 рабочих месяцев к ужасному *горькому* нулю? Поэтому, мне, например, кажется, что вы, Май-Маевский, в интересах чести мундира должны были бы предъявить своё обвинение не Н. Ремезову (и автору статьи), а к тем господам военным, которые допустили приказ господина Хрещатицкого за № 380, допустили низведения оценки труда солдата до такой степени той категории людей бесправных и безответственных, которые совершали перед этим какое-либо уголовное преступление. Уравнив такой оценкой солдатского труда его человеческое достоинство и нравственное самосознание, породили среди подчинённых массовое недовольство и привели тем самым гарнизон к „военному бунту“» [5].

На страницах № 275 «Дальнего Востока» автор, подписавшийся как «Один из многих», призывал прекратить обвинения в адрес армии, которая находится вне политики. Ему ответил «Единицын» в № 1 «Владивостока» за 1906 г. статьёй «„Один из многих“ и „101“»: «...Кто же виноват, что в течение сотен лет „отцы командиры, пестуны и старшие братья“ не сумели или не хотели создать сознательной, разумной и убеждённой армии? Кто же виноват, что наша армия так же темна, невежественна и забита, загнана, как и её кровный народ?.. „Пестуны и старшие братья“ только о том и заботились в „ротных школах“, чтобы „эти скоты“ хорошенько вызубривали „устава“, „разборы винтовок“, да „чины, положения и фамилии“ гг. начальствующих! Но ведь с подобной мудростью можно было „жить припеваючи“ только во „времена Очакова и покоренья Крыма“... Первая же серьёзная война с европейской культурой... эта война показала, что „ремешковой дисциплины и обаяния блестящих мундиров“ мало и мало... Бывшая война сделала нищей и голодной всю Россию! К этому присоединились и крупные неурожаи. Та же война разложила и русскую армию» [13].

Событиям 30—31 октября в этом же номере «Владивостока» посвящена публикация под названием «Из дневника обывателя». Неназванный автор писал: «Находить что-нибудь *идейное* в этом вопиющем безобразии дезорганизованной армии — прямо-таки преступно, это значит пачкать и забрасывать грязью освободительное движение. Погромы, поджоги и грабежи 30—31 октября можно смело приравнять к *черносотенному* погрому, организованному агитаторами старого режима, когда недовольствие и претензии нижних чинов вылились *на совершенно ни в чём не повинных граждан* г. Владивостока. А кто даст положительную гарантию в том, что черносотенского погрома 30—31 октября, сыгравшего в руку старому режиму, не повторится и впредь?..» [16].

Итог же этому номеру, с которого для газеты «Владивосток» начинался новый, 1906 год, подвело напечатанное на последней странице стихотворение «Артур» (очевидно, имелся в виду Порт-Артур), написанное на мотив лермонтовского «Бородино»:

— Скажи-ка, паря, ведь не даром
Артур вы отдали «вандалам»,
Сгубив не мало душ?
Ведь были ж *люди* между вами,
Командовал-то кто полками
И брал огромный «куш»?!
Ведь всю Россию обобрали,
Когда к войне вас снаряжали —
Остались одни вши!..
За что ж мы деньги отдавали,
За что мы зябли, голодали,
Да по миру пошли?! [4]

Итак, следуя за царским манифестом, провозгласившим свободу слова, в конце октября 1905 г. владивостокские газеты впервые начали выходить без цензуры и сразу же оказались в центре революционных событий, став их первыми летописцами и исследователями. Как же распорядились издания обретенной (как оказалось, ненадолго) свободой в сложной социально-политической обстановке начинающейся революции? Анализ прессы ноября — декабря 1905 г. позволяет придти к ряду выводов.

В эти первые месяцы начинавшейся революции по крупным городам России прошла волна беспорядков и погромов. Особенностью ситуации во Владивостоке стало то, что эти волнения приняли форму военного бунта в частях гарнизона крепости.

Газеты прекращали печататься, когда происходило наибольшее обострение ситуации. Во Владивостоке оно длилось 5 суток: с 31 октября по 4 ноября — даже в самые суровые времена царской цензуры никогда не было такого массового и продолжительного прекращения выхода изданий, какое случилось в «дни освобождения России».

В отличие от периода Русско-японской войны, когда владивостокские газеты из-за цензурного запрета не могли писать о бомбардировке города японской эскадрой, которую наблюдали все жители [2, с. 34], во время революции возобновившиеся с 5 ноября 1905 г. издания подробно осветили ход происходивших во Владивостоке событий, их причины и результаты. При этом каждая газета внесла свой вклад. На страницах «Дальнего Востока» публиковалось много свидетельств очевидцев беспорядков 30—31 октября, приведших к сожжению части города и гибели сотен людей. По свидетельству редактора, в газету приходила масса писем, где излагались жалобы солдат. Со своей стороны, газеты «Владивосток» и «Владивостокский листок» провели настоящее расследование, которое показало: непосредственной причиной бунта стало недовольство солдат своим социальным положением, задержкой с увольнением в запас

и отправкой домой после окончания войны, невыплатой обещанного жалованья за участие в работах по строительству укреплений.

В советской исторической литературе события 30—31 октября (12—13 ноября) 1905 г. во Владивостоке назывались «вооружённым восстанием», которое «дало толчок революционным выступлениям других военных гарнизонов Дальнего Востока». Но вышедшие по горячим следам газетные публикации рисуют совсем другую картину. В «Дальнем Востоке» произошедшее с самого начала описывалось как бунт, стихийно возникший в деморализованных войсках под влиянием алкоголя при бездействии властей и приведший к многочисленным грабёжам, поджогам, актам насилия по отношению к гражданскому населению. Соответственно, издание выступало за скорейшее наведение порядка в армии и пропагандировало её неучастие в политической жизни. По мнению редакции, беспорядки следовало прекратить, поскольку после Манифеста 17 октября цели революции уже в основном были достигнуты.

Со своей стороны, «Владивосток» и «Владивостокский листок» оценивали городские погромы 30—31 октября как организованную властями черносотенную провокацию, направленную против интеллигенции и только повредившую делу революции. Такой взгляд близок к мнению либеральной прессы вроде московской газеты «Русское слово», писавшей в те же самые дни о направленных против евреев, гимназистов, студентов и представителей интеллигенции черносотенных погромах и об участии в них казаков наравне с черносотенцами.

В целом, несмотря на имевшиеся трудности с получением оперативной информации (забастовка на телеграфе), владивостокские газеты осени 1905 г. (и «Владивосток», и «Дальний Восток») дали на своих страницах достаточно широкую панораму происходящего в Европейской России, сообщая о манифестациях, забастовках, погромах, беспорядках в городах. И в декабре издания продолжали держать людей в курсе событий, помещая в своей хронике телеграммы о восстании лейтенанта Шмидта и о кровавых событиях в Москве. Только для редактора «Владивостока» это было доказательством порочности режима, доведшего страну до разорения и смуты, а для редактора «Дальнего Востока» — эффективным способом убедить читателей во вреде революции.

С событий этого времени начинается поляризация прессы Владивостока по политическим направлениям. «Дальний Восток» В.А. Панова приобретает репутацию черносотенного органа, придерживающегося охранительного направления (что и позволит газете благополучно пережить революционные события января 1906 г. и просуществовать до 1917 г.). «Владивосток» же Н.В. Ремезова и «Владивостокский листок» Л.П. Подпахва в ноябре — декабре 1905 г. постепенно склонялись к левому направлению, становясь органами городской революционной демократии. В полной мере различие во взглядах газет проявилось в январе 1906 г., когда после расстрела войсками демонстрации на ул. Алеутской у железнодорожного вокзала Владивосток сотрясла новая волна беспорядков и город снова оказался в руках бунтующих войск. Но эти события заслуживают отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Авилов Р.С. На пути к революции — гарнизон Владивостокской крепости в 1905 г. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 2(46). С. 7—16.
2. Агапов В.Л. «У рухнувшей авантюры»: Русско-японская война 1904—1905 гг. и владивостокская пресса // Россия и АТР. 2014. № 1. С. 28—47.
3. Акатов В. «Свобода» и армия // Дальний Восток. 1905. № 258. 4 декабря. С. 1.
4. Артур // Владивосток. 1906. № 1. 1 января. С. 4.
5. Владивосток. 1905. № 73. 11 декабря. С. 1—2.
6. Владивосток (Сборник исторических документов) (1860—1907 гг.). Владивосток: Приморское книжное изд-во, 1960. 220 с.
7. Голионко В.П. Очерки революционного движения в Приморье (1900—1916 гг.). Хабаровск: Гос. изд-во, 1940. 98 с.
8. Дальний Восток. 1905. № 242. 13 ноября. С. 2—3.
9. Дальний Восток. 1905. № 248. 23 ноября. С. 3.
10. Дальний Восток. 1905. № 249. 24 ноября. С. 3.
11. Дни освобождения в России // Дальний Восток. 1905. № 253. 29 ноября. С. 3.
12. Единицын. Голые цифры и чистая правда // Владивосток. 1905. № 71. С. 1.
13. Единицын. «Один из многих» и «101» // Владивосток. 1906. № 1. 1 января. С. 1.
14. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX—XX вв.: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2001. 368 с.
15. Захаров С.Е., Багров В.Н., Бевз С.С., Захаров М.Н., Котухов М.П. Краснознамённый Тихоокеанский флот. 2-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1973. 320 с.
16. Из дневника обывателя // Владивосток. 1906. № 1. 1 января. С. 3—4.
17. Ильинский. К «Владивостокским дням» // Дальний Восток. 1905. № 248. 23 ноября. С. 2.
18. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г.). М.: Наука, 1991. 471 с.
19. Кудржинский М.А. Владивосток в 1905 г. (Из наблюдений очевидца) // Минувшие Годы. 1908. № 5. С. 61—90.
20. Панов В.А. О свободе народной // Дальний Восток. 1905. № 239. 10 ноября. С. 2.
21. Письмо в редакцию // Дальний Восток. 1905. № 243. 16 ноября. С. 3.
22. Письмо в редакцию // Дальний Восток. 1905. № 257. 3 декабря. С. 2.
23. Письмо в редакцию // Дальний Восток. 1905. № 264. 13 декабря. С. 3.
24. Письмо в редакцию // Дальний Восток. 1905. № 267. 16 декабря. С. 3.
25. Письмо в редакцию // Дальний Восток. 1905. № 272. 22 декабря. С. 3.
26. Погром в Ростове // Дальний Восток. 1905. № 249. 24 ноября. С. 3.
27. Поляновский. Нужна ли революция после 17 октября 1905 года // Дальний Восток. 1905. № 268. 17 декабря. С. 2.
28. По поводу манифеста 17-го октября // Дальний Восток. 1905. № 259. 6 декабря. С. 1.
29. Приказ по Владивостокской крепости. 5 декабря 1905 г. Крепость Владивосток. № 834 // Владивосток. 1905. № 72. 8 декабря. С. 1.
30. Приказ по Владивостокской крепости. 7 декабря 1905 г. Крепость Владивосток. № 838 // Владивосток. 1905. № 73. 11 декабря. С. 1.
31. Приказ по Владивостокской крепости № 758 от 1 ноября 1905 г. // Дальний Восток. 1905. № 235. 5 ноября. С. 1.
32. Приказ по Владивостокской крепости № 774. 6 ноября 1905 г. // Дальний Восток. 1905. № 237. 8 ноября. С. 1.
33. Прудкогляд Т.В. Листая пожелтевшие страницы... К истории периодической печати Дальнего Востока России (1865—1917). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. 240 с.

34. Сквирская Л.М. Краткий очерк истории журналистики на Дальнем Востоке в XIX — начале XX вв.: учебно-метод. пос. Владивосток: ДВГУ, 1971. 48 с.
35. Хроника // Владивосток. 1905. № 72. 8 декабря. С. 1.
36. Хроника // Дальний Восток. 1905. № 237. 8 ноября. С. 2.
37. Хроника // Дальний Восток. 1905. № 244. 17 ноября. С. 2.
38. Элеонора Лорд Прей. Избранные письма, 1894—1906. Владивосток: Тихоокеанское изд-во «Рубеж», 2012. 624 с.
39. Номо. К событиям 30 октября // Дальний Восток. 1905. № 244. 17 ноября. С. 2.
40. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).
41. РГИА (Рос. гос. ист. арх.).

REFERENCES

1. Avilov R.S. Na puti k revoljucii — garnizon Vladivostokskoj kreposti v 1905 g. [Towards the revolution — the garrison of Vladivostok fortress in 1905]. *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*, 2015, no. 2(46), pp. 7—16. (In Russ.)
2. Agapov V.L. “U ruhnvvshej avantjyry”: Russko-japonskaja vojna 1904—1905 gg. i vladivostokskaja pressa [“A failed gamble”: The Russo-Japanese War of 1904—1905 and Vladivostok press]. *Rossiia i ATR*, 2014, no. 1, pp. 28—47. (In Russ.)
3. Akatov V. “Svoboda” i armija [“Freedom” and the army]. *Dal'nij Vostok*, 1905, no. 258, December, 4, p. 1. (In Russ.)
4. Artur [Arthur]. *Vladivostok*, 1906, no. 1, January, 1, p. 4. (In Russ.)
5. *Vladivostok*, 1905, no. 73, December, 11, pp. 1—2. (In Russ.)
6. *Vladivostok (Sbornik istoricheskikh dokumentov) (1860—1907)* [Vladivostok (Collection of historical documents) [1860—1907]]. Vladivostok, Primorskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1960, 220 p. (In Russ.)
7. Golionko V.P. *Oчерки revolyutsionnogo dvizheniya v Primor'e (1900—1916)* [Essays about revolutionary movement in Primorye (1900—1916)]. Khabarovsk, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1940, 98 p. (In Russ.)
8. *Dal'nii Vostok*, 1905, no. 242, November, 13, pp. 2—3. (In Russ.)
9. *Dal'nii Vostok*, 1905, no. 248, November, 23, p. 3. (In Russ.)
10. *Dal'nii Vostok*, 1905, no. 249, November, 24, p. 3. (In Russ.)
11. Dni osvobodzheniya v Rossii [Liberation days in Russia]. *Dal'nii Vostok*, 1905, no. 253, November, 29, p. 3. (In Russ.)
12. Edinicy. Golye cifry i chistaja pravda [Bare figures and naked truth]. *Vladivostok*, 1905, no. 71, p. 1. (In Russ.)
13. Edinicy. “Oдин iz mnogih” i “101” [“One among many” and “101”]. *Vladivostok*, 1906, no. 1, January, 1, p. 1. (In Russ.)
14. Zhirkov G.V. *Istoriya tsenzury v Rossii XIX—XX vv.: ucheb. posobie* [Censorship history in Russia in the 19th—20th centuries: Textbook]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2001, 368 p. (In Russ.)
15. Zakharov S.E., Bagrov V.N., Bezv S.S., Zakharov M.N., Kotukhov M.P. *Krasnoznamennyy Tikhookeanskiy flot* [Pacific Fleet. Second augmented edition]. Moscow, Voenizdat Publ., 1973, 320 p. (In Russ.)
16. Iz dnevnika obyvatelja [The inhabitant's diary]. *Vladivostok*, 1906, no. 1, January, 1, p. 3—4. (In Russ.)
17. Il'inskij. K “Vladivostokskim dnjam” [Towards “Vladivostok days”]. *Dal'nii Vostok*, 1905, no. 248, November, 23, p. 2. (In Russ.)

18. *Istorija Dal'nego Vostoka SSSR v jepohu feodalizma i kapitalizma (XVII v. — February of 1917)* [The history of the Far East of the USSR in the times of feudalism and capitalism (17th century — February 1917)]. Moscow, Nauka Publ., 1991, 471 p. (In Russ.)
19. Kudrzhinskij M.A. Vladivostok v 1905 g. (Iz nabljudenij ochevidca) [Vladivostok in 1905. (Eyewitness observations)]. *Minuvshie Gody*, 1908, no. 5, pp. 61—90. (In Russ.)
20. Panov V.A. O svobode narodnoy [About public freedom]. *Dal'nii Vostok*, 1905, no. 239, November, 10, p. 2. (In Russ.)
21. Pis'mo v redaktsiyu [Correspondence column]. *Dal'nii Vostok*, 1905, no. 243, November, 16, p. 3. (In Russ.)
22. Pis'mo v redaktsiyu [Correspondence column]. *Dal'nii Vostok*, 1905, no. 257, December, 3, p. 2. (In Russ.)
23. Pis'mo v redaktsiyu [Correspondence column]. *Dal'nii Vostok*, 1905, no. 264, December, 13, p. 3. (In Russ.)
24. Pis'mo v redaktsiyu [Correspondence column]. *Dal'nii Vostok*, 1905, no. 267, December, 16, p. 3. (In Russ.)
25. Pis'mo v redaktsiyu [Correspondence column]. *Dal'nii Vostok*, 1905, no. 272, December, 22, p. 3. (In Russ.)
26. Pogrom v Rostove [Massacre in Rostov]. *Dal'nii Vostok*, 1905, no. 249, November, 24, p. 3. (In Russ.)
27. Poljanovskij. Nuzhna li revoljucija posle 17 oktjabrja 1905 goda [Is the revolution necessary after October 17, 1905]. *Dal'nii Vostok*, 1905, no. 268, December, 17, p. 2. (In Russ.)
28. Po povodu manifesta 17-go oktjabrja [About the Manifesto of October 17]. *Dal'nii Vostok*, 1905, no. 259, December, 6, p. 1. (In Russ.)
29. Prikaz po Vladivostokskoj kreposti. 5 dekabrja 1905 g. Krepost' Vladivostok, № 834 [Vladivostok fortress order. December 5, 1905. Vladivostok Fortress, no. 834]. *Vladivostok*, 1905, no. 72, December, 8, p. 1. (In Russ.)
30. Prikaz po Vladivostokskoy kreposti. 7 dekabrja 1905 g. Krepost' Vladivostok, № 838 [Vladivostok fortress order. December 7, 1905. Vladivostok Fortress, no. 838]. *Vladivostok*, 1905, no. 73, December, 11, p. 1. (In Russ.)
31. Prikaz po Vladivostokskoy kreposti № 758 ot 1 noyabrja 1905 g. [Vladivostok fortress order, no. 758, November, 1]. *Dal'nii Vostok*, 1905, no. 235, November, 5, p. 1. (In Russ.)
32. Prikaz po Vladivostokskoy kreposti № 774. 6 noyabrja 1905 g. [Vladivostok fortress order, no. 774, November, 6]. *Dal'nii Vostok*, 1905, no. 237, November, 8, p. 1. (In Russ.)
33. Prudkogljad T.V. *Listaja pozheltevshie stranicy... K istorii periodicheskoy pechati Dal'nego Vostoka Rossii (1865—1917)* [Turning over the yellowed pages... The history of the periodical press of the Far East of Russia (1865—1917)]. Vladivostok, Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta Publ., 2000, 240 p. (In Russ.)
34. Skvirskaya L.M. *Kratkiy ocherk istorii zhurnalistiki na Dal'nem Vostoke v XIX — nachale XX vv.: uchebno-metod. pos.* [The profile of the history of journalism in the Far East at the end of the 19th—the beginning of the 20th centuries: Textbook]. Vladivostok, DVGU Publ., 1971, 48 p. (In Russ.)
35. Hronika [Chronicle]. *Vladivostok*, 1905, no. 72, December, 8, p. 1. (In Russ.)
36. Hronika [Chronicle]. *Dal'nii Vostok*, 1905, no. 237, November, 8, p. 2. (In Russ.)
37. Hronika [Chronicle]. *Dal'nii Vostok*, 1905, no. 244, November, 17, p. 2. (In Russ.)
38. Eleonor Lord Pray. *Izbrannye pis'ma, 1894—1906* [Selected Letters, 1894—1906]. Vladivostok, Tihokeanskoe izdatel'stvo "Rubezh" Publ., 2012, 624 p. (In Russ.)
39. Homo. K sobytiyam 30 oktyabrja [In commemoration of the events of October 30]. *Dal'nii Vostok*, 1905, no. 244, November, 17, p. 2. (In Russ.)